

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС В КОММЕНТАРИЯХ

АРБИТРАЖНЫЕ СУДЫ И ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ В АНТИМОНОПОЛЬНЫХ РАЗБИРАТЕЛЬСТВАХ

А.Р. СУЛТАНОВ,

кандидат юридических наук, руководитель представительства «ПепеляевГрупп»
в Татарстане, адвокат, арбитр Арбитражного центра при РСПП,
Заслуженный юрист Республики Татарстан

<https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-4-49-67>

Статья представляет собой научное исследование, направленное на изучение роли арбитражных судов в контексте презумпции невиновности в антимонопольных разбирательствах. Автор анализирует судебную практику и законодательство, связанные с антимонопольными делами, с целью выявления особенностей и проблем, возникающих при применении презумпции невиновности в данной области. В рамках исследования проблемы автор также анализирует сложности, возникающие при применении презумпции невиновности в антимонопольных разбирательствах, включая проблемы доказывания нарушения антимонопольного законодательства. В завершение отмечается, что процедура в антимонопольном законе все еще игнорирует обязанность антимонопольного органа опровергать презумпцию невиновности и доказывать вину в нарушении антимонопольного законодательства, что не исключает обязанность арбитражных судов включать вопрос преодоления презумпции невиновности при рассмотрении дел об оспаривании решений антимонопольных органов, возлагая бремя доказывания вины на антимонопольные органы. Хозяйствующие субъекты могут строить свою защиту в арбитражных судах, основываясь на наличии презумпции невиновности. Такая защита будет порождать обязанность судов мотивировать принятие или отклонение доводов, основанных на презумпции невиновности, отсутствие же мотивов судебного акта должно являться основанием для его отмены и направления дела на новое рассмотрение.

Ключевые слова: арбитражный процесс; презумпция невиновности; антимонопольное законодательство; отправление правосудия; бремя доказывания; направление дела на новое рассмотрение.

ARBITRATION COURTS AND PRESUMPTION OF INNOCENCE IN ANTITRUST PROCEEDINGS

A.R. SULTANOV,

Candidate of Legal Sciences, Head of the *Pepeliaev Group* Office in Tatarstan,
Lawyer, Arbitrator, Arbitration Center at the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

The article is a scientific study aimed at examining the role of arbitration courts in the context of the presumption of innocence in antitrust proceedings. The author of the article analyzes judicial practice and legislation related to antitrust cases in order to identify the peculiarities and problems arising in the application of the presumption of innocence in this area. As part of the problem study, the author also analyzes the difficulties arising in the application of the presumption of innocence in antitrust proceedings, including the problems of proving a violation of antitrust law. In conclusion, it is noted that the procedure in the antimonopoly law still ignores the obligation of the antimonopoly authority to rebut the presumption of innocence and to prove guilt in violation of antimonopoly legislation, which does not exclude the obligation of arbitration courts to include the issue of overcoming the presumption of innocence when considering cases challenging decisions of antimonopoly authorities, placing the burden of proving guilt on antimonopoly authorities. Business entities may base their defense in arbitration courts on the presumption of innocence. Such defense will give rise to the obligation of courts to motivate the adoption or rejection of arguments based on the presumption of innocence, the lack of reasons for a judicial act should be the basis for its reversal and referral of the case for a new consideration.

Keywords: arbitration procedure; presumption of innocence; antimonopoly legislation; administration of justice; burden of proof; referral of a case for new consideration.

Удивительное дело, но в арбитражных судах вопрос о презумпции невиновности в делах об оспаривании решений антимонопольного законодательства, как правило, не вызывает никакой реакции. И когда начинаешь говорить о презумпции невиновности и о необходимости установления вины, испытываешь ощущение «дежавю» – до 2009 г. была ровно такая же реакция со стороны судов¹.

Впрочем, разница есть: до 2009 г. антимонопольные органы настаивали на безвиновной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства.

---

¹ Султанов А.Р. О кодификации законодательства об административных правонарушениях и антимонопольном законодательстве // Закон. 2007. № 7. С. 141–148.

А сейчас антимонопольные органы утверждают, что вина должна устанавливаться только при привлечении к административной ответственности по КоАП РФ. В то же время в постановлениях о привлечении к административной ответственности можно часто увидеть фразу, что вина установлена в решении антимонопольного органа о нарушении антимонопольного законодательства. И арбитражные суды это охотно копируют, ничуть не смущаясь тем фактом, что в решении даже слово «вина» отсутствует. Получается уникальная ситуация, когда возникает «логическое кольцо»: предлагают вопрос вины исследовать в «административке», а в «административке» говорят, что все уже исследовано и уже имеется преюдиция...

Однако такой подход ошибочен, поскольку предполагает объективное вменение, в то время как вина является обязательным элементом доказывания при установлении наличия состава правонарушения, поскольку только виновное лицо может быть признано совершившим правонарушение и нести ответственность за совершенные действия и наступившие в результате указанных действий последствия. Данный вывод подтверждается позицией КС РФ, изложенной в постановлении от 24 июня 2009 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 2 и 4 статьи 12, статей 22.1 и 23.1 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и статей 23, 37 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобами ОАО «Газэнергосеть» и ОАО «Нижнекамскнефтехим»».

В соответствии с правовой позицией КС РФ в качестве необходимого элемента общего понятия состава правонарушения выступает вина, наличие которой является во всех отраслях права предпосылкой возложения юридической ответственности, если иное прямо и недвусмысленно не установлено непосредственно самим законодателем.

Антимонопольное законодательство не содержит прямого указания на возможность квалификации действий хозяйствующего субъекта в качестве нарушения антимонопольного законодательства без доказательства вины.

В соответствии с правовой позицией КС РФ, изложенной в постановлениях от 24 июня 2009 г. № 11-П и от 30 июля 2001 г. № 13-П, бремя доказывания своего невиновного поведения ложится на хозяйствующий субъект только в случае, если на это прямо указано в федеральном законе.

Антимонопольное законодательство не закрепляет презумпцию виновности, что автоматически переводит бремя доказывания виновного поведения хозяйствующего субъекта на антимонопольный орган.

Кроме того, при доказывании вины должны соблюдаться конституционные принципы, способные оказать непосредственное влияние на конституционно-правовой статус физических и юридических лиц, в том числе и презумпцию невиновности.

Надо отметить, что ранее ст. 22.1 Федерального закона от 22 марта 1991 г. № 948-I «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», с момента введения Федерального закона от 25 мая 1995 г. № 83-ФЗ, пред-

усматривала ответственность за *виновные противоправные действия*, нарушающие антимонопольное законодательство, и лишь Федеральным законом от 9 октября 2002 г. № 122-ФЗ в ст. 22.1 Закона были внесены изменения: слова «за виновные противоправные деяния, нарушающие антимонопольное законодательство» были замены словами «за нарушения антимонопольного законодательства».

С этого момента вина как необходимое условие привлечения к ответственности за нарушение антимонопольного законодательства антимонопольным законом была исключена. И в настоящее время в Законе о конкуренции нет упоминаний ни о презумпции невиновности, ни об обязанности устанавливать вину.

На наш взгляд, это вызвано ненадлежащим исполнением постановления КС РФ от 24 июня 2009 г. № 11-П¹. В Федеральном законе от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», несмотря на большое количество изменений (с 2009 г. было уже 56 редакций данного Закона!), требования установления вины, преодоление презумпции невиновности по отношению к хозяйствующим субъектам так и не появились.

В соответствии со ст. 79 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» «решение Конституционного Суда Российской Федерации действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами. Юридическая сила постановления Конституционного Суда Российской Федерации о признании акта неконституционным не может быть преодолена повторным принятием этого же акта... В случае, если... из решения Конституционного Суда Российской Федерации вытекает необходимость устранения пробела в правовом регулировании, государственный орган или должностное лицо, принявшие этот нормативный акт, рассматривают вопрос о принятии нового нормативного акта, который должен, в частности, содержать положения... о внесении необходимых изменений и (или) дополнений в нормативный акт... признанный соответствующим Конституции Российской Федерации в данном Конституционным Судом Российской Федерации истолковании. До принятия нового нормативного акта непосредственно применяется Конституция Российской Федерации».

К сожалению, постановление КС РФ от 24 июня 2009 г. № 11-П в части необходимости установления вины не было исполнено: Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» один-единственный раз употребляет термин «виновность» – в ч. 6 ст. 44.1, где идет речь о привлечении должностных лиц антимонопольного органа к ответственности за разглашение коммерческой тайны: «Не допускается разглашение информации о поступившем в антимонопольный орган заявлении, указанном в части 1 настоящей статьи, и его содержании, в том числе сведений, составляющих государственную и иную охраняе-

¹ Султанов А.Р. Презумпция невиновности и вина при рассмотрении антимонопольных дел // Конкуренция и право. 2023. № 3.

мую законом тайну, а также сведений, ставших известными должностному лицу в связи с исполнением им должностных обязанностей. Должностные лица, *виновные* в разглашении указанной информации, несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Данный факт, на наш взгляд, свидетельствует не только о неисполнении постановления КС РФ, но и о наличии двойного подхода: в отношении должностных лиц виновность должна устанавливаться, а в отношении хозяйствующих субъектов такой обязанности не установлено, что безусловно нарушает требования ст. 19 Конституции РФ. Хотя в ч. 1 ст. 2 Закона о защите конкуренции закреплено, что «антимонопольное законодательство Российской Федерации основывается на Конституции Российской Федерации...», и законодатель должен был учесть требования Конституции РФ.

Решение по делу о нарушении антимонопольного законодательства является по сути юрисдикционным актом, в котором должен устанавливаться состав административного правонарушения антимонопольного законодательства для последующего применения всего спектра мер административного принуждения, предусмотренных как Законом о защите конкуренции, так и КоАП РФ.

Такой подход разделяется ВС РФ, в частности в определении СК по экономическим спорам от 17 января 2020 г. № 309-ЭС19-19206 по делу № А76-17497/2018.

Судебная коллегия ВС РФ не только воспроизвела толкование КС РФ из постановления от 24 июня 2009 г. № 11-П о том, что «правовой механизм взыскания с хозяйствующего субъекта в федеральный бюджет дохода, полученного в связи с нарушением антимонопольного законодательства, должен основываться на конституционных принципах справедливости, юридического равенства, пропорциональности и соразмерности вводимых мер конституционно значимым целям и их согласованности с системой действующего правового регулирования, в связи с чем *лицо, к которому применяется мера государственного принуждения за нарушение антимонопольного законодательства, должно иметь возможность подтвердить свою невиновность в предусмотренных законом процедурах...* положения Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и Федерального закона «О защите конкуренции» не могут не предполагать, что отсутствие вины при нарушении антимонопольного законодательства является обстоятельством, исключающим взыскание с хозяйствующего субъекта в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие соответствующего нарушения, и что *с антимонопольного органа не снимается... обязанность установить вину субъекта предпринимательской деятельности как условие взимания незаконно полученного дохода в бюджет*», но и подчеркнула, что «перечисление дохода хозяйствующего субъекта в федеральный бюджет как особая *мера государственного принуждения может быть применена только при условии, что, во-первых, в действиях хозяйствующего субъекта установлен факт нарушения антимонопольного законодательства, во-вторых,*

данный факт установлен в надлежащей правовой процедуре, регламентированной Законом о защите конкуренции, в рамках которой хозяйствующему субъекту гарантируется право на защиту».

Тем самым ВС РФ обратил внимание арбитражных судов на то, что нужно установить факт правонарушения, который, как известно, отсутствует, если отсутствует хотя бы один из элементов состава правонарушения антимонопольного законодательства – это (1) объект, т.е. охраняемые общественные отношения, на которые посягает административное правонарушение; (2) объективная сторона, т.е. противоправное деяние (действие либо бездействие) в формальных составах, а также причиненный им вред и причинная связь между противоправным деянием и причиненным вредом в материальных составах; (3) субъект, т.е. лицо, совершившее административное правонарушение, а главное, (4) субъективная сторона, т.е. вина лица в совершении административного правонарушения.

Важным правовоположением, изложенным в данном Определении ВС РФ, является указание на то, что факт нарушения антимонопольного законодательства должен быть установлен в надлежащей правовой процедуре¹.

Требование надлежащей правовой процедуры означает, что все действия властей должны соотноситься с требованиями закона. Этот принцип является наиболее важной защитой против произвола и самоуправства властей².

Должная правовая процедура или надлежащая правовая процедура является достоянием многовековой правовой традиции и включает следующий набор процедурных (процессуальных) гарантий прав человека: 1) право на судебную защиту; 2) право на эффективное расследование; 3) право на скорый суд; 4) право на публичный суд; 5) право на беспристрастный суд («никто не может быть судьей в своем деле»); 6) право на суд беспристрастных присяжных; 7) право на состязательный процесс; 8) право считаться невиновным, пока виновность не будет доказана в рамках судебного разбирательства и установлена вступившим в силу решением суда (*презумпция невиновности*); 9) право не свидетельствовать против себя; 10) право на очную ставку в суде со свидетелем обвинения; 11) право на помощь адвоката во время судебного разбирательства; 12) право быть выслушанным («пусть будет выслушана другая сторона»); 13) *право не подвергаться дважды наказанию за одно и то же преступление* («нельзя наказать дважды за одно и то же»); 14) право на непосредственный процесс (принцип непосредственности); 15) право на непрерывный судебный процесс (принцип концентрированности (непрерывности) судебного заседания); 16) право на обжалование (право на вторую инстанцию)³.

¹ Султанов А.Р. Кассационное производство в Верховном Суде РФ для формирования единообразной практики // Вестник экономического правосудия РФ. 2021. № 7. С. 21–29.

² Султанов А.Р. Должная правовая процедура и правовые стандарты Европейского Суда по правам человека // Евразийская адвокатура. 2013. № 1(2). С. 62–65.

³ Смольянов М.С. Юридическая процедура как гарантия прав человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 8.

Требования надлежащей правовой процедуры в настоящее время могут быть вполне обоснованно названы общепризнанными принципами международного права в области справедливого правосудия. Установление должной правовой процедуры – конституционная обязанность законодателя.

Должная правовая процедура привлечения к публичной ответственности требует соблюдения не только принципа невиновности, но и обязанности государства выяснять обстоятельства, освобождающие от ответственности, в частности собирая доказательства невиновности и пр. ФАС России, к сожалению, никогда этого не делает, поскольку при отсутствии в ст. 37 и 45.1 Закона о защите конкуренции необходимости доказывать вину хозяйствующего субъекта положения ст. 48 данного Закона толкуются как требующие прекращения производству по делу лишь при отсутствии объективной стороны и не расцениваются как обязывающие прекратить производство по делу при непреодолении презумпции невиновности.

Эффективная защита возможна только тогда, когда известно, от чего защищаться. То есть в своем обвинении ФАС России должна была указать весь вменяемый состав правонарушения, как объективную, так и субъективную сторону. При отсутствии указания, в чем выражалась вина обвиняемого в правонарушении, невозможно строить эффективную защиту, у обвиняемого в силу презумпции невиновности нет необходимости доказывать свою невиновность.

Возможно, ненадлежащим исполнением Постановления КС РФ явилось непонимание либо ошибочное толкование этого Постановления как требующего установления вины только при вынесении предписания о перечислении дохода, полученного от нарушения антимонопольного законодательства в федеральный бюджет.

Хотя предписание может быть самостоятельным предметом обжалования, но уникальной специфической чертой данного ненормативного правового акта является то, что он является вторичным и в нем не устанавливаются обстоятельства правонарушения, состав правонарушения, в нем лишь содержатся требования антимонопольного органа, проистекающие из установленного состава правонарушения в решении.

Как отмечают ученые, в ходе судебной проверки законности оспоренного предписания предметом доказывания в первую очередь будет соотносимость требований, содержащихся в предписании, и тех нарушений, которые обозначены в решении, а также их соразмерность¹.

Именно отсутствие установления вины в решении – одного из обязательных элементов состава правонарушения будет влечь автоматическую незаконность предписания.

Соответственно, полагаем, что толкование постановления КС РФ как требующего, чтобы именно в предписании устанавливалась вина, является ошибочным.

---

¹ Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / под ред. И.В. Решетниковой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2022.

Безусловно, вина должна устанавливаться при вынесении решения об установлении нарушения антимонопольного законодательства, для последующего применения всего спектра мер административного принуждения, предусмотренных как Федеральным законом «О защите конкуренции», так и КоАП РФ.

Обязательность установления вины вытекает непосредственно из Конституции РФ и правовых позиций КС РФ.

Содержание общей доктрины презумпции невиновности выражено в праве на защиту, праве хранить молчание и не свидетельствовать против самого себя, распределении бремени доказывания, запрете основывать решение государственного органа и (или) суда на предположениях, норме, согласно которой неустрашимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу этого лица.

Презумпция невиновности является не только ведущим принципом, но и основополагающим стандартом оценки доказательств.

Вопрос вины должен обязательно включаться в предмет доказывания, причем бремя доказывания ложится на антимонопольный орган.

Презумпция невиновности требует, чтобы вопрос вины не только был предметом доказывания, но прежде всего содержался в акте обвинения, поскольку лицо, обвиняемое в совершении антимонопольного правонарушения, должно знать, от чего ему защищаться.

Презумпцию невиновности невозможно обеспечить, если субъект не знает, в чем именно его обвиняют¹.

Непредъявление обвиняемому лицу объяснений, в чем государственный орган видит объективную и субъективную стороны правонарушения, делает невозможной эффективную защиту.

Другим аспектом презумпции невиновности является право обвиняемого лица не свидетельствовать против себя и даже молчать. Антимонопольное законодательство до недавнего времени полностью игнорировало этот аспект презумпции невиновности, и антимонопольные органы требуют информацию у обвиняемого хозяйствующего субъекта под угрозой административных штрафов. С декабря 2022 г. появилась новая норма ст. 25.4-1 Закона о защите конкуренции, в которой прямо закреплена обязанность антимонопольного органа при получении объяснений разъяснять лицу, у которого берутся разъяснения, его права и обязанности, в том числе право не свидетельствовать против себя на основании ст. 51 Конституции РФ. Арбитражная практика применения этой новой нормы в настоящее время только складывается. ФАС России полагает, что положения ст. 25.4-1 Закона о защите конкуренции о разъяснении лицам прав, предусмотренных ст. 51 Конституции РФ, применяются только при получении объяснений при проведении плановых и внеплановых проверок, а также

¹ Шаститко А.Е., Дозмаров К.В. Экономические аспекты обеспечения презумпции невиновности в антимонопольном (ли?) праве // Закон. 2022. № 8. С. 93–107.

что положения ст. 25.4-1 упомянутого Закона применимы только к физическим лицам, но не к юридическим лицам¹.

Довольно-таки странный подход о том, что конституционные гарантии должны отличаться в зависимости от того, осуществляла ли ФАС России плановую или внеплановую проверку рассмотрения заявления о нарушении организации антимонопольного законодательства.

По всей видимости, ФАС России исходила из того, что при рассмотрении заявления о нарушении организацией антимонопольного законодательства объем процессуальных прав и гарантий должен быть меньше, полагая, что в данном случае не осуществляется проверочная деятельность.

Однако антимонопольный орган при осуществлении процедуры рассмотрения заявления о нарушении антимонопольного законодательства осуществляет проверку заявления, материалов на предмет установления наличия (отсутствия) признаков нарушения антимонопольного законодательства (п. 3.39 Административного регламента Федеральной антимонопольной службы по исполнению государственной функции по возбуждению и рассмотрению дел о нарушениях антимонопольного законодательства Российской Федерации, утв. приказом ФАС России от 25 мая 2012 г. № 339 (далее – Регламент)). При этом он вправе запрашивать у коммерческих организаций и других организаций документы, сведения, пояснения в письменной или устной форме, связанные с обстоятельствами, изложенными в заявлении или материалах (п. 3.19 Регламента), а в случае недостаточности или отсутствия доказательств, позволяющих антимонопольному органу сделать вывод о наличии или об отсутствии признаков нарушения антимонопольного законодательства, антимонопольный орган для сбора и анализа дополнительных доказательств вправе продлить срок рассмотрения заявления или материалов (2.18 Регламента).

Полагаем, что ФАС России, зная о пробеле в регулировании проверочной деятельности при рассмотрении заявления о нарушении антимонопольного законодательства, осуществляет ограничительное толкование ст. 51 Конституции РФ.

Безусловно, пробелами ограничить действие прав и свобод, защищаемых Конституцией, нельзя – в период рассмотрения дела конституционное право не свидетельствовать против себя, гарантированное ст. 51 Конституции РФ, действует как норма прямого действия.

Вопрос вины в антимонопольных разбирательствах тем более важен, поскольку действия, которые в последующем могут быть квалифицированы в качестве правонарушения в области антимонопольного законодательства, совершаются в условиях неопределенности, факт совершения правонарушения бывает неочевиден не только для антимонопольного органа, но и для хозяйствующего субъекта, который может полагать свои действия законными, – это отчасти вызвано «сложностью

---

¹ Письмо ФАС России от 25 марта 2023 г. № ПИ/40894/23.

юридической техники антимонопольного законодательства: бланкетные нормы, исключения из правил и пр., трудности в определении допустимости соглашений связаны с особенностями регулируемых отношений»¹, сложностью определения доминирующего положения, необходимостью учета экономического состояния рынка и партнеров хозяйствующего субъекта (ч. 3 ст. 1033 ГК РФ).

В п. 11 и 18 Рекомендаций по применению критериев сложности споров, рассматриваемых в арбитражных судах Российской Федерации, утв. информационным письмом Президиума ВАС РФ от 1 июля 2014 г. № 167, споры, затрагивающие права и законные интересы заявителя в области правовой охраны средств индивидуализации, относятся к категории «особо сложных», а дела, связанные с применением антимонопольного законодательства, – «сложных».

Для того чтобы лучше показать ситуацию не со стороны ФАС России и не со стороны арбитражных судов, а со стороны хозяйствующих субъектов, позволим себе процитировать начало одной из глав книги «Об отмене антимонопольного законодательства США»:

«Проклятие антимонопольного законодательства: вечная неопределенность

Произвольное применение антимонопольных законов позволяет объявить незаконным любой вид договора, и участники соглашения не могут заранее знать, будут ли их действия считаться законными или незаконными. Признавая эту жесткую дилемму, бывший председатель Федеральной торговой комиссии сочинил язвительное посвящение в своей книге об антитрестовском законодательстве: *«Изумленным предпринимателям, которые обязаны подчиняться, закону не зная, что это такое»*. В данном отношении американская законодательная система лучше обращается с обычными преступниками, чем предпринимателями. Ведь даже самый невежественный член мафии точно знает, что его действия незаконны. В то же время руководители, чьи компании подпадают под пресс антимонопольных законов, ничего не знают наверняка, как бы усердно они ни держали нос по ветру, чтобы уловить в политическом климате признаки уголовного преследования, и как бы внимательно они ни прислушивались к звуку шагов конкурентов, стряпающих повестки для вызова в суд»².

В условиях правовой неопределенности обвинение в нарушении антимонопольного законодательства должно сопровождаться соблюдением базовых принципов привлечения к публичной ответственности, в частности *все неустранимые сомнения, противоречия и неясности должны толковаться в пользу обвиняемого лица* (ч. 3 ст. 49 Конституции РФ). Тем более что, по нашему мнению, антимонопольное правонарушение может быть осуществлено лишь умышленно.

¹ Биленко А.И. Юридическая квалификация антиконкурентных соглашений хозяйствующих субъектов // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. № 3. С. 91–111.

² Об отмене антимонопольного законодательства в США / под ред. Г. Халла. М.: ЭКОНОМПаблшерз, 2008. С. 215–216.

Поэтому наличие сомнений в невиновности должно признаваться основанием для отказа в привлечении к ответственности.

Неопровержение презумпции невиновности должно служить основанием для прекращения производства по делу.

Деятельность антимонопольного органа, осуществляющего защиту конкуренции, не должна вступать в конфликт с гарантиями по защите прав человека¹, поскольку их взаимодействие приносит пользу всей системе антимонопольных правоотношений, демонстрируя способность привлечь к ответственности лиц, совершивших правонарушение, и обеспечить соблюдение всех процессуальных прав для поддержания общей справедливости.

Принцип презумпции невиновности является общепризнанным принципом международного права, а также конституционным принципом.

В ст. 11 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН закреплён принцип презумпции невиновности: «Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты».

В ряде постановлений КС РФ после указания, что тем или иным нормам Конституции РФ корреспондируют те или иные статьи Всеобщей декларации прав человека, содержится вывод, что указанные положения как относящиеся к общепризнанным принципам и нормам международного права согласно ст. 15 (ч. 4) Конституции РФ являются составной частью правовой системы Российской Федерации (постановления от 14 февраля 2002 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 140 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Б. Фишер», от 16 марта 1998 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьи 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан»).

В ряде других актов КС РФ содержится ссылка на то, что общепризнанные принципы и нормы международного права закреплены во Всеобщей декларации прав человека (постановления от 17 ноября 1998 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 21 июня 1995 года «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»», от 17 декабря 1996 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции»», определение от 12 июля 2006 г. № 378-О «По жалобе гражданина Владимирцева Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав частями шестой и восьмой статьи 82 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации»).

---

¹ Презумпция невиновности – одна из важнейших таких гарантий.

Такой же подход был использован в п. 5 постановления Пленума ВС РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия».

Ознакомление с Преамбулой Всеобщей декларации прав человека позволяет прийти к выводу, что авторы Декларации имели целью сделать права человека общепризнанными. Вся последующая практика в области прав человека говорит о том, что авторы Всеобщей декларации прав человека добились своей цели – *положения Декларации в настоящее время можно отнести к общепризнанным принципам и нормам международного права.*

В силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Таким образом, общепризнанный принцип презумпции невиновности подлежит обязательному применению, независимо от пробелов в законе о конкуренции.

Кроме того, в обязательном для России международном договоре, а именно в ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., сказано: «Каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана согласно закону».

Конституция РФ закрепляет презумпцию невиновности – презумпцию, в соответствии с которой каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ст. 49).

В общеправовом смысле действие этой презумпции реально находит свое проявление во всех сферах общественных отношений и регулируется различными отраслями права. Таким образом, презумпцию невиновности следует считать правовым положением и принципом, носящим общеправовой характер и распространяющимся на все отрасли права, где определяющим является наличие доказательств вины в совершении правонарушения¹.

Принцип презумпции невиновности закреплен в КоАП РФ. Статья 1.5 КоАП определяет, что:

- лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина;
- лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, считается невиновным, пока его вина не будет доказана в порядке, предусмотренном КоАП РФ, и установлена вступившим в законную силу постановлением судьи, органа, должностного лица, рассмотревших дело;

¹ Ефимичев П.С. Презумпция невиновности: в чем ее суть? // Журнал российского права. 2000. № 7. С. 104–112.

– лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность, за исключением случаев, предусмотренных примечанием к ст. 1.5 КоАП РФ (указанное положение не распространяется на административные правонарушения, предусмотренные ч. 3.1–3.4 ст. 8.2, гл. 12 КоАП РФ, и административные правонарушения в области благоустройства территории, предусмотренные законами субъектов РФ, совершенные с использованием транспортных средств либо собственником, владельцем земельного участка либо другого объекта недвижимости, в случае фиксации этих административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи);

– неустраимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, толкуются в пользу этого лица.

Принцип презумпции невиновности также закреплен в налоговом законодательстве. Пункт 6 ст. 108 НК РФ определяет, что лицо считается невиновным в совершении налогового правонарушения, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке. Лицо, привлекаемое к ответственности, не обязано доказывать свою невиновность в совершении налогового правонарушения. Обязанность по доказыванию обстоятельств, свидетельствующих о факте налогового правонарушения и виновности лица в его совершении, возлагается на налоговые органы. Неустраимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к ответственности, толкуются в пользу этого лица.

Как отмечает КС РФ, при использовании сходного метода правового регулирования (отношения власти-подчинения между уполномоченным государственным органом и плательщиком) подход законодателя к регламентации отдельных институтов этих отраслей не должен быть различным в отсутствие разумных к тому оснований. Иное подрывало бы принципы правовой определенности и правового равенства, вытекающие из признания Российской Федерации правовым государством (ч. 1 ст. 1, ч. 1, 2 ст. 19 Конституции РФ)¹.

Наличие пробела в законе о конкуренции не должно быть препятствием в реализации конституционного принципа и общепризнанных принципов международного права.

Пробел в законе не может приостановить прямого действия норм Конституции РФ.

Согласно ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности,

---

¹ Постановление КС РФ от 28 апреля 2023 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 235 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ИЗИ ЧАЙНА КОРПОРЕЙТ»».

здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Пробелом в законе права и свободы человека не могут быть ограничены.

Наличие пробелов, препятствующих реализации и защите прав и свобод человека, не только не будет оправданием нарушения и (или) отказом в защите прав и свобод человека, а может быть признано нарушением международных обязательств России по защите прав и свобод человека и Конституции РФ.

Конституционным Судом РФ выработаны критерии, когда «неконституционными, в том числе содержащими пробел, признаются такие нормы права, которые не отвечают следующим общеправовым принципам: стабильности права и нормативно-правовой определенности, недопустимости злоупотребления правом, справедливости, гуманизма и соразмерности, ответственности за совершенное деяние его реальной общественной опасности, никто не может быть судьей в собственном деле, поддержания доверия граждан к закону и к правосудию, обеспечения исполнимости судебных решений, «*non bis idem*» (не дважды за одно и то же), *audi alteram partem* (выслушать обе стороны) и других»¹.

Конституционный Суд РФ (постановления от 20 июля 2011 г. № 20-П, от 6 декабря 2011 г. № 27-П, от 17 ноября 2016 г. № 25-П и др.) не раз отмечал, что судебноп-правовые процедуры преследования преступлений и административных правонарушений, несмотря на титульное отличие административной и уголовной ответственности, должны подчиняться общим параметрам, обеспечивая лицу, привлекаемому к ответственности, состязательность с обвинением, средства правовой защиты и справедливое правосудие в целом. Это ставит под сомнение те процедуры, которые, судя по правоприменительной практике, неубедительно обеспечивают защиту прав лиц, в отношении которых ведется административно-деликтное производство².

Вина является также важнейшим критерием индивидуализации наказания, без которой карательная функция может превратиться в наказание ради наказания, в чистый произвол, творимый с благими намерениями. Без учета вины административная процедура может окончиться наказанием невиновного, не сможет достигнуть справедливости, и принятые меры могут оказаться несоразмерными.

Карательное воздействие административных мер принуждения напрямую зависит от наличия вины, ее формы и степени.

В постановлении КС РФ от 14 апреля 2020 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 2.1, части 1 статьи 2.2, части 3 статьи 11.15.1 и пун-

¹ Конституционный Суд РФ, национальный доклад XIV Конгрессу Конференции европейских конституционных судов «Проблемы законодательных пробелов в конституционной юриспруденции». Вильнюс, июнь 2008 г.

² Князев С.Д., Арановский К.В., Данилов Ю.М. Административно-деликтный закон в конституционных перспективах кодификации // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 3. С. 123–138.

кта 5 части 1 статьи 29.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, статьи 12.2 Федерального закона «О транспортной безопасности», подпунктов 36, 37, 39, 45 пункта 5 и подпунктов 1, 2, 8 пункта 7 требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств морского и речного транспорта...» была выражена правовая позиция: *«По смыслу статей 49, 50 и 64 Конституции Российской Федерации и в силу требований справедливости и соразмерности ответственности наличие вины выступает необходимым признаком состава правонарушения, а бремя ее доказывания возлагается, по общему правилу, на уполномоченные органы государства и их должностных лиц (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2001 года № 7-П, от 25 апреля 2011 года № 6-П, от 18 мая 2012 года № 12-П и др.).»*

Вина в конституционном смысле – как универсальная категория для всех видов юридической ответственности и для всех субъектов права, включая физических и юридических лиц, представляет собой основанные на характеристиках субъекта права пределы, в которых он может нести такую ответственность сообразно конституционным принципам равенства, справедливости и соразмерности.

Определяя понятие вины (виновности) для разных субъектов права при установлении разных видов юридической ответственности, в частности административной, и конструируя составы правонарушений, законодатель обладает – в заданных указанными принципами границах – широкой дискрецией, в том числе вправе дифференцировать ответственность за конкретное противоправное действие (бездействие) с учетом характеристик (качественных и количественных) вины, однако, обязан гарантировать определенность вводимого им регулирования, исключаящую произвольность его применения и тем самым несоразмерное обременение привлекаемого к ответственности лица.

...Использование широкого подхода к определению виновности юридического лица в качестве общего правила не лишает законодателя возможности, конструируя конкретные составы административных правонарушений, определить, в частности с целью дифференциации ответственности, их субъективную сторону применительно к юридическим лицам через категории умысла и неосторожности... и тем самым очертить границы усмотрения правоприменителя при определении размера административного наказания за конкретное нарушение.

Например, устанавливая условия и основания ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах, являющейся, как и административная ответственность, видом публичной ответственности, налоговое законодательство предусматривает, что виновным в совершении налогового правонарушения признается лицо, совершившее противоправное деяние умышленно или по неосторожности,

а вина организации в таком правонарушении определяется в зависимости от вины ее должностных лиц либо ее представителей, действия (бездействие) которых обусловили его совершение (пункты 1 и 4 статьи 110 Налогового кодекса Российской Федерации). Мировая практика законодательных решений в сфере юридической ответственности (Германия, Дания, Норвегия, Финляндия, Франция и др.) также исходит из того, что в регулировании публичной ответственности юридического лица может быть отражена связь его вины с виной физических лиц, обладающих представительскими, распорядительными или контрольными полномочиями».

Установление в антимонопольном законодательстве собственной процедуры – квазисудебной и квазиадминистративной с пропуском или игнорированием процессуальных гарантий не соответствует требованиям Конституции РФ. Как справедливо отмечают ученые, «сохранение обособленных правил квазиадминистративной ответственности, претендующих в отрыве от КоАП РФ на специфику правоприменения, неизбежно будет порождать конфликтные ситуации, детерминируемые параллельным закреплением оснований, субъектов, процедур и санкций в рамках фактически одной и той же – административно-правовой – ответственности»¹.

Мы уже писали, что наши аргументы, основанные на презумпции невиновности, до 2009 г. антимонопольными органами и судами не принимались и мы были услышаны только в КС РФ. В последующем это помогло восстановить права компании, пересмотреть все судебные акты в арбитражных судах, и ФАС России вернула полностью сумму взысканного в федеральный бюджет «дохода, полученного в результате нарушения антимонопольного законодательства». Но процедура в антимонопольном законе все еще игнорирует обязанность антимонопольного органа опровергать презумпцию невиновности и доказывать вину в нарушении антимонопольного законодательства, что не исключает обязанность арбитражных судов включать вопрос преодоления презумпции невиновности при рассмотрении дел об оспаривании решений антимонопольных органов, возлагая бремя доказывания вины на антимонопольные органы. Ну а хозяйствующие субъекты могут строить свою защиту в арбитражных судах, основываясь на наличии презумпции невиновности. Такая защита будет порождать обязанность судов мотивировать принятие или отклонение доводов, основанных на презумпции невиновности, отсутствие же мотивов судебного акта должно являться основанием для его отмены и направления дела на новое рассмотрение в связи с установлением фундаментального нарушения принципов справедливого судопроизводства². Борьба за право продолжается...

¹ Князев С.Д. Еще раз о кодификации законодательства об административной ответственности в контексте правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Административное право и процесс. 2022. № 2. С. 8.

² Султанов А.Р. Правосудие не может быть немотивированным! // Закон. 2018. № 1. С. 46–58.

Список использованной литературы

Биленко А.И. Юридическая квалификация антиконкурентных соглашений хозяйствующих субъектов // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. № 3. С. 91–111.

Ефимичев П.С. Презумпция невиновности: в чем ее суть? // Журнал российского права. 2000. № 7. С. 104–112.

Князев С.Д. Еще раз о кодификации законодательства об административной ответственности в контексте правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Административное право и процесс. 2022. № 2. С. 6–14.

Князев С.Д., Арановский К.В., Данилов Ю.М. Административно-деликтный закон в конституционных перспективах кодификации // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 3. С. 123–138.

Об отмене антимонопольного законодательства в США / под ред. Г. Халла. М.: ЭКОНОМПаблицерз, 2008. 493 с.

Смолянов М.С. Юридическая процедура как гарантия прав человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 30 с.

Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / под ред. И.В. Решетниковой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2022. 480 с.

Султанов А.Р. Должная правовая процедура и правовые стандарты Европейского Суда по правам человека // Евразийская адвокатура. 2013. № 1(2). С. 62–65.

Султанов А.Р. Кассационное производство в Верховном Суде РФ для формирования единообразной практики // Вестник экономического правосудия РФ. 2021. № 7. С. 21–29.

Султанов А.Р. О кодификации законодательства об административных правонарушениях и антимонопольном законодательстве // Закон. 2007. № 7. С. 141–148.

Султанов А.Р. Правосудие не может быть немотивированным! // Закон. 2018. № 1. С. 46–58.

Султанов А.Р. Презумпция невиновности и вина при рассмотрении антимонопольных дел // Конкуренция и право. 2023. № 3.

Шаститко А.Е., Дозмаров К.В. Экономические аспекты обеспечения презумпции невиновности в антимонопольном (ли?) праве // Закон. 2022. № 8. С. 93–107.

References

Bilenko A.I. *Iuridicheskaiia kvalifikatsiia antikonkurentnykh soglashenii khoziaistvuiushchikh sub'ektov* [Legal Qualification of Anticompetitive Agreements of Business Entities], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriiia 11. Pravo – Herald of Moscow University. Series 11. Law*, 2022, no. 3, pp. 91–111. (In Russ.)

Efimichev P.S. *Prezumptsiia nevinovnosti: v chem ee sut'?* [Presumption of Innocence: What Is its Essence?]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*, 2000, no. 7, pp. 104–112. (In Russ.)

Hall G. (ed.). *Ob otmene antimonopol'nogo zakonodatel'stva v SShA* [On the Repeal of Antitrust Laws in the USA]. Moscow: ECONOMPublishers, 2008. 493 p. (In Russ.)

Kniazev S.D. *Eshche raz o kodifikatsii zakonodatel'stva ob administrativnoi otvetstvennosti v kontekste pravovykh pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Once Again on the Codification of Legislation on Administrative Responsibility in the Context of Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Administrativnoe pravo i protsess – Administrative Law and Procedure*, 2022, no. 2, pp. 6–14. (In Russ.)

Kniazev S.D., Aranovskii K.V., Danilov Iu.M. *Administrativno-deliktnyi zakon v konstitutsionnykh perspektivakh kodifikatsii* [Administrative Tort Law in Constitutional Perspectives on Codification]. *Pravoprimenenie – Law Enforcement*, 2020, vol. 4, no. 3, pp. 123–138. (In Russ.)

Reshetnikova I.V. (ed.). *Spravochnik po dokazyvaniu v arbitrazhnom protsesse* [Handbook on Evidence in Arbitration Procedure]. 2nd ed. Moscow: Norma; Infra-M, 2022. 480 p. (In Russ.)

Shastitko A.E., Dozmarov K.V. *Ekonomicheskie aspekty obespecheniia prezumptsii nevinovnosti v antimonopol'nom (li?) prave* [Economic Aspects of Ensuring Presumption of Innocence in Antitrust (Whether?) Law]. *Zakon – Law*, 2022, no. 8, pp. 93–107. (In Russ.)

Smolianov M.S. *Iuridicheskaiia protsedura kak garantiia prav cheloveka: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Legal Procedure as a Guarantee of Human Rights: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Moscow, 2011. 30 p. (In Russ.)

Sultanov A.R. *Dolzhnaia pravovaia protsedura i pravovye standarty Evropeiskogo suda po pravam cheloveka* [Due Process and Legal Standards of the European Court of Human Rights]. *Evraziiskaia advokatura – Eurasian Advocacy*, 2013, no. 1(2), pp. 62–65. (In Russ.)

Sultanov A.R. *Kassatsionnoe proizvodstvo v Verkhovnom Sude RF dlia formirovaniia edinoobraznoi praktiki* [Cassation Proceedings in the Supreme Court of the Russian Federation for the Formation of Uniform Practice]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia RF – Herald of Economic Justice of the Russian Federation*, 2021, no. 7, pp. 21–29. (In Russ.)

Sultanov A.R. *O kodifikatsii zakonodatel'stva ob administrativnykh pravonarusheniakh i antimonopol'nom zakonodatel'stve* [On Codification of Legislation on Administrative Offenses and Antimonopoly Legislation]. *Zakon – Law*, 2007, no. 7, pp. 141–148. (In Russ.)

Sultanov A.R. *Pravosudie ne mozhet byt' nemotivirovannym!* [Justice Cannot Be Unmotivated!]. *Zakon – Law*, 2018, no. 1, pp. 46–58. (In Russ.)

Sultanov A.R. *Prezumptsiia nevinovnosti i vina pri rassmotrenii antimonopol'nykh del* [Presumption of Innocence and Guilt in Antitrust Cases]. *Konkurentsiia i pravo – Competition and Law*, 2023, no. 3. (In Russ.)

Информация об авторе

Султанов А.Р. (Казань, Россия) – кандидат юридических наук, руководитель представительства «ПепеляевГрупп» в Татарстане, адвокат, арбитр Арбитражного центра при РСПП, Заслуженный юрист Республики Татарстан (125047, г. Москва, ул. 3-я Тверская-Ямская, д. 39, стр. 1; e-mail: aidar_sult@mail.ru).

Information about the author

A.R. Sultanov (Kazan, Russia) – Candidate of Legal Sciences, Head of the *Pepe- liaev Group* Office in Tatarstan, Lawyer, Arbitrator, Arbitration Center at the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, Honored Lawyer of the Republic of Tatar- stan (39, Bldg. 1 3rd Tverskaia-Iamskaia St., Moscow, 125047, Russia; e-mail: aidar_ sult@mail.ru).

Для цитирования

Султанов А.Р. Арбитражные суды и презумпция невиновности в антимоно- польных разбирательствах // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 4. С. 49–67. <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-4-49-67>

Recommended citation

Sultanov A.R. *Arbitrazhnye sudy i prezumptsiia nevinovnosti v antimonopol'nykh razbiratel'stvakh* [Arbitration Courts and Presumption of Innocence in Antitrust Pro- ceedings]. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa – Herald of Civil Procedure*, 2023, vol. 13, no. 4, pp. 49–67. (In Russ.) <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-4-49-67>